Денис МАКУРИН
г. Холмогоры

ТАЙГА

рассказ

Экология

Раньше я не знал, что такое тайга. А в прошлом году встретился. Меня с ней дедушка познакомил. Мы с ним на рыбалку ходили. На лесное озеро. У него в этой тайге избушка своя.

На рыбалку мы, конечно, и раньше ходили. Только тогда это ближе к морю было. И мы там то селёдку ловили, то камбалу. Камбала – это рыба такая сплюснутая. Дедушка говорит, что её море расплющило. Тяжёлое очень. Но я-то знаю, что он шутит. Разве у моря лапы есть? Он просто объяснять мне не хочет что да почему. Деда всё ещё думает, что я маленький и в таких вещах не разбираюсь. А я думаю, что это слон на неё наступил. Или вообще мамонт! В самой далёкой древности. Когда и слонов-то в помине не было. Тогда только эскимосы водились. А мамонты – это их еда была. И вот одному мамонту захотелось воды испить, а быть может, помыться. И он в реку зашёл. А там в это время рыбёшки у дна плавали, и мамонт на них наступил. Нечаянно, конечно. Просто раньше экология лучше была и от этой рыбы отбоя не было. Её там столько водилось, что яблоку некуда упасть, то есть мамонту некуда наступить. В общем, рыбёшек было видимо-невидимо. А мамонт? Куда ему деваться? Он же огромный, как троллейбус! И лапищи у него как баобабы. Вот и не заметил мелюзгу под самым носом, то есть хоботом. С тех времён и водится в наших реках сплюснутая камбала. А про селёдку я рассказывать не буду. Вы и так про неё всё знаете. Вон её в магазине сколько! И в банках, и в бочках, и просто так.

Всё для дела

Ну а тогда мы, значит, не к Белому морю пошли, а в тайгу. На озеро Кривое. И там жили два дня. Пришли, развели костёр и сварили чай. Потом

мы удили окуней-горбылей, то есть горбачей. Потом ели, затем спали. В общем, настоящее приключение! Лучше не придумаешь. Я как раз о таком всю жизнь мечтал.

А началось наше приключение утром. Мы с дедом встали ни свет ни заря. Собрали вещички и отправились восвояси. Сначала мы шли по дороге, потом по лесу. И первое время нам было не очень весело. Спать хотелось. И я то и дело носом клевал да спотыкался обо всякие коряги. Но потом я подобрал длинную палку, она у меня как будто сабля была, а вокруг – враги и драконы ещё. И я как давай их рубать направо и налево, а они падать и просить о пощаде. И мне от этого сразу же веселее стало. Я своей саблей – вжух! – жиганул по траве. И тут же мои злодеи попадали как подкошенные. А потом я подскочил и как дам дракону по шее – шмяк! От этого только ягоды рябины на тропинку посыпались: брум, брум, брум! А потом я разбежался и – шлюмс! – по сыроежкам. Полетели шляпки в разные стороны. Только деду мои сражения почему-то не понравились. Он обернулся и сказал: «А ну не хулигань!» А я: «Так это же поганки?! Их можно хулиганить». А деда вдруг остановился, погрозил мне пальцем и сказал: «Тебе – поганки, а живности – припасы на зиму. В тайге ничего просто так не растёт, всё для дела. Понимать надо! Усёк?» Я вздохнул и пробурчал: «Угу... Усёк». Выбросил саблю-палку, и мы пошли дальше.

А очень скоро скучнятина стала проходить. Да и врагов я больше не встречал. Нам только солнышко через ёлки подмигивало и птички пели. А ещё по веткам бурундучки бегали. Бурундуки – это мышки такие с пушистыми хвостиками. Вот только до озера долго идти пришлось. Я думаю, мы тысячу километров прошли. Не меньше. У меня от этой ходьбы чуть ноги не отваливались. И сам я от приключения притомился что-то. Могли бы и поближе озеро устроить.

Знай меру

Когда мы наконец-то добрались до избушки, я очень обрадовался. Начал скакать, гикать и веселиться. Я даже забыл, что у меня ноги отваливались. Они у меня как будто новые выросли. Вся усталость прошла. И я кричал: «Ура! Ура! Улю-лю! Улю-лю!» И тут же обскакал весь наш лагерь: и стол со скамейками, и костёр, и избушку тоже.

Наша избушка оказалась очень красивой: старой и дряхлой, как в сказках про Бабу Ягу. Внутри избушки всё было устроено по русскому обычаю: печка, стол, широкие лавочки, спички и соль. Деда сказал: «Проходи, располагайся!» А я сказал: «Ага!» И мы разложили свои вещички по разным местам. Потом мы снова вышли на улицу, а деда развёл костёр, и мы стали жить дикарями. Без средств к существованию.

Сначала мы сварили чай, потом перекусили и пошли на рыбалку. Мы взяли ведро и удочки, затем накопали червяков, а уж после отправились удить на озеро. Рыбачить оказалось проще простого – только успевай забрасывать. Правда, нам одни голодные окуни попадались. Огромные и чёрные, как головешки. Мы снимали их с крючка и бросали в ведро, а они звонко шлёпали хвостами.

Через час у нас уже было полведра головешек-горбачей. И наши окуни то и дело выбрасывались наружу. Деда покряхтел и сказал: «Кхе-кхе. Ну, пожалуй, и хватит на сегодня», – а потом встал с пенька и начал сматывать удочку. А я сказал: «Как же? Клюёт же! Давай ещё!» А дедушка улыбнулся и сказал: «Не переусердствуй, Мишка. Нужно ловить столько, сколько съешь». Тогда я вздохнул и сказал: «Жалко. Вон как пошло, можно было хоть ведро», – и тоже начал сматывать удочку.

Когда мы вернулись к избушке и развели костёр, наступил вечер. Деда почистил окуней-горбачей и картошку, а я – лук. Потом мы сварили настоящую похлёбку и устроили пир на весь мир прямо под открытым небом. Наевшись до отвала, нам захотелось спать. Мы немножко прибрались и пошли в избушку. А устроившись поудобнее, и не заметили, как отправились в спячку.

Одним днём

На следующий день я проснулся первым. Деда тарахтел как трактор, а мне что-то не спалось, и я вышел на цыпочках из избушки. Попил холодного чаю, взял наше ведро, удочку и отправился удить прожорливых оку-

ней. И вот я шёл по тропинке к озеру, протирал глаза, напевал песенку про лошадь:

Далеко, далеко-о
Ускакала в поле молодая лошадь,
Так легко, так легко-о
Не догонишь, не поймаешь, не вернёшь...

Иду себе и пою. Ничего не думаю. И вдруг – бац! Что за шутки! Прямо передо мной чьё-то шерстяное лицо! Я встал как вкопанный! Замер, смотрю. И лицо стоит смотрит. Смотрит на меня своими огромными ноздрями. А потом это лицо голову повернуло и уже выпуклым глазом смотрит. Потом оно чихнуло и снова ноздрями. И рогами ещё. Я таких рогов никогда не видел! Они как ковш у экскаватора. А ещё эта странная морда чего-то жевала. И я подумал, что, наверное, такого недотёпу, как я, доедает. Сначала у меня выпала удочка, затем ведро, а через миг я уже драпал обратно в избушку, только пятки сверкали. Но вы не смейтесь, не надо! Я вам не трусишка какой-нибудь. Просто я за окунями шёл, а тут – лицо!..

И вот я так испугался, что не помню, как в избушке оказался и дверь запер. Помню только, лежу на скамейке, одно ухо и глаза спят. Но вторым ухом всё-таки слушаю, потому что интересно.

Сначала эта рогатая морда по земле топала: «Тух...тух...тух...тух...» А потом она подошла к нашей избушке и начала чем-то хрумкать возле стола во дворе. А ещё эта морда громко чавкала и всё время роняла разные вещи, как у себя дома. Потом она ушла восвояси, и я наконец-то уснул полностью. Правда, поспать как следует мне не удалось. Я только глаза закрыл, только с Соловьём-Разбойником сражаться начал, а дедушка давай меня тормошить и спрашивать: «Миш, это ты картошку съел?»

Я сел на край скамейки и спросил: «Что съел?» Деда: «Картошку. На ветке висела авоська с картошкой». И я ещё не проснулся, но уже вспомнил про шерстяную рогатую морду и про ноздри, и про то, как эта морда что-то роняла и хозяйничала нашими продуктами. И догадался, что это она съела картошку, но побоялся сказать дедушке правду. Я подумал, что он заругает меня за то, что привёл её к избушке. Поэтому сказал деду: «Угу. Я!» А тот улыбнулся на всю ивановскую и опять спросил: «И пачку масла тоже ты?» Я сказал: «Я, деда. Есть чего-то захотелось, вот и съел...» А деда всё не унимался и спрашивал: «Что же это получается? Ёксель-моксель! И полбанки соли тоже ты?» А я снова покивал головой: «Да, деда... Получается, что я...» А деда: «Да я по следам вижу, что тут лось был. Ты чего, Миш?» – и хохочет так, что чуть не падает. Тогда я тоже засмеялся и сказал: «Не знаю, деда. Это я так просто». И после этого мы хохотали уже вдвоём, чуть животики не надорвали, до слёз прямо.

А потом мы стали наводить порядки. И деда вдруг сказал: «Я ещё вчера слышал, как за озером пилы жужжали. Видимо, лесорубы его угодье нарушили, вот сохатый и подался на поиски лучшего места». А я спросил: «А зачем он от нас ушёл? Мы же не лесорубы, жил бы тут. Разве ему здесь плохо? Вон сколько съел!» Тогда деда вздохнул и сказал: «Одним днём сыт не будешь, вот и ушёл на поиски корма».

За добро добром

Я сказал: «Эх! Жалко, что ушёл. Познакомиться бы...» А потом помог деду поднять перевёрнутую скамейку и спросил: «Деда, а почему ты лося сохатым назвал?» А деда крякнул и сказал: «Кхе-кхе! Хороший вопрос, Мишка. Садись-ка, сейчас я тебе расскажу». А я: «Ага! С превеликим удовольствием», – и тут же уселся на скамейку поудобнее.

Деда развёл костёр, повесил над огнём чайник, покряхтел и начал рассказывать: «Эту историю мне ещё мой дед рассказывал. А ему – его дед. И деду деда тоже дед. И так тыщу лет. Получается, история нам от пращура досталась». Я говорю: «Ух ты! Здо́рово! У меня был дедушка ящур!»

А деда опять улыбнулся на всю ивановскую и сказал: «Да не ящур, а пращур! Предок, значит». А я: «А-а... Ну тогда неинтересно!» А он: «Да ты погодь! Я же ещё рассказ не начал».

Потом деда присел рядом и продолжил: «Тут недалёко деревенька Кимжа имеется. Вся из себя складная да ладная. Куда ни взгляни, всюду глаз радуется, – сказка да и только! Вот там-то и жил наш предок. А звали его Добрыня.

По весне Добрынюшка рожь сеял. Летом ягоды да грибы собирал. Ну и рыбку удил. А как же! Зимой всё чаще возле печи лапти да корзины плёл. Тем и здравствовал.

И вот пришла весна-красна. Добрыня поле вспахал. Потом садил, потом рядил. Не успел оглянуться, а за весной и лето поспело.

И собрался наш Добрыня по ягоды. Только в лесок заглянул, а там лось хозяйничает: что не подъел, то помял. Любят, знаешь ли, лоси черникой полакомиться. А Добрыне что оставалось? Махнул рукой, развернулся и пошёл восвояси.

Чуть погодя пришла пора по грибы сходить, припасов на зиму заготовить. Обычное дело: волнушек засолить, боровиков насушить. И вновь отправился Добрынюшка по своим заветным местам. Вот только куда он ни свернёт, под какое деревце ни заглянет – нет ничего. Ни боровиков, ни волнушек. Одни огрызки стоят. Стало быть, опять всё лось поел.

Пока суть да дело, осень пришла. Ну а там и зима не за горами. Вот только зима в тот год выдалась лютая. Голодная. Хорошо, у Добрыни рожь да овёс уродились – всё при хлебе да каше. А вот лосю туго пришлось. Кабы ему замороженных ягодок или мох сыскать. Да где там! Снегу по пояс набухало: ни пройти ни проехать. Пришлось лосю кору глодать. А кора горькая, невкусная. Я и сам как-то попробовал – редкая гадость. Так вот, пожалел Добрыня животину. А куда деваться? Жалко. Взял и сладил для лося кормушку. Ну а после он его всю зиму овсом подкармливал да солонцом баловал.

Так и перезимовали. А там и весна пришла. И впору бы землю распахать да снова зерно посеять. Только соха у Добрыни совсем исхудала. И версты не прошёл – лопнула с треском. Отправился Добрынюшка в лес на поиски подходящей коряги.

И вот хочешь – верь, хочешь – нет. Вышел ему навстречу тот самый лось, мотнул головой и рога свои перед Добрыней сбросил. Ну а пращур наш не будь дураком! Покумекал, как и что. Рога вверх тормашками перевернул, в землю воткнул, оглобли приладил. Чем не соха? А?

Потом лошадёнку запряг и в два счёта поле вспахал. Рога оказались добротные, складные – сносу не было. И Добрынюшка этими рогами ещё долгие годы земельку перепахивал.

Выходит, лось за добро добром Добрыне отплатил и соху подарил. Вот с тех пор и прозвали лося – сохатым».

А я вздохнул и сказал: «Сказочки... С намито он не подружился. Ушёл – пиши пропало...» – и в груди у меня как-то тесно стало. А деда меня приобнял и сказал: «Не отчаивайся, Мишка, может, свидимся ещё. Мы же не без рук! Тоже кормушку для сохатого соорудим. И сена ему припасём. И гостинец оставим – солонец. Лоси соль любят. Ну как? Дело, а?!» А я вздохнул и сказал: «Эх-х... Да, деда, дело».

Что лучше?

Чуть погодя у нас забурлил и зафырчал чайник на костре. И деда поторопился его снять, пока он весь не расплескался.

В избушке у нас ещё оставалось угощение к чаю: баранки, батон и банка сгущённого молока. И пока деда раскладывал кружки, я сбегал за гостинцами. Потом мы стали пить горячий чай вприкуску с баранками, а хлеб и сгущёнку приберегли на обед. А подкрепившись как следует, отправились на своё проверенное местечко удить вчерашних рыбёшек. И клёв у нас снова был что надо! Только успевай забрасывать! И когда мы выдёргивали своих полосатых окуней-горбачей из воды, то они сначала хлюпали по воде, а потом елозили в воздухе. И они так сильно трепыхались, что у нас трещали удочки, хрустели поплавки и звенели лески.

Я выуживал свою добычу на берег, потом бросал удочку в траву и бегом снимал колючий горбыль с крючка. После этого я брал пойманного окуня двумя руками и отправлял его в ведро. А он начинал радостно изводиться, и шлёпаться, и колошматить своим хвостом куда попало.

Так очень скоро мы снова наловили полведра, и деда сказал: «Ну, хватит! Пора и честь знать». И я тут же смекнул, что пора сматывать удочки, потому что мы наловили больше, чем требуется для утоления голода. И полведра – это ещё надо постараться, чтобы съесть. Правда, когда я сматывал удочку, то мой живот зарычал оттого, что изрядно проголодался. И я

подумал, что, может быть, полведра не так уж и много. Тем более если это будет не рыба, а, скажем, сгущёнка! А от полведра сгущёнки ещё никто не отказывался. И тут я вспомнил про угощение, оставленное на столе. И от таких мыслей я засобирался ещё быстрее. А через секунду я уже скакал к лагерю.

Всё время, пока мы с дедом скакали к избушке, я мечтал о своём заветном лакомстве. Думал: «Вот сейчас приду, налью чайку, а дед откроет сгущёнку. И я обмакну в это тягучее молоко белый хлебушек и начну уплетать его за обе щёки. И это будет самое вкусное лакомство в мире. Потому что ничего вкуснее я в жизни не пробовал. Потом я зачерпну сгущёнку ложечкой и съем её прямо так. А потом ещё одну. И ещё. И с ложкой во рту я промычу: «М-м-м, какое блаженство!» И на языке у меня сделается сладко-сладко. И так сладко, что зажжётся. И горло у меня сделается вдруг шерстяным и захочется пить. А когда я хлебну чайку, то снова съем ложечку сгущёнки». И так я прыгал-скакал. И всю дорогу так вкусно мечтал, что не успел глазом моргнуть, как очутился возле избушки. Я даже не сразу заметил, что в нашем лагере гость появился. А когда разглядел и увидел, что он натворил, у меня сердце ёкнуло.

В гостях у нас был ворон. Большая чёрная птица. Морда у него была наглая и хитрая. И он не просто гостил, он ещё надо мной издевался. Ворон вертелся и юлил, а потом начинал скакать туда-сюда: то на стол запрыгнет, то на землю спикирует. А на столе в это время наша банка сгущёнки каталась. И это надо же до чего воришка додумался! Магия какая-то! Он своим острым клювом банку сгущёнки в решето превратил! Проклевал и не поморщился.

Я замер, гляжу, а он ничуточки и не стесняется и нашу сгущёнку доедает. Запрыгнет на стол, затем лапой банку возьмёт и повернёт поудобнее, а молоко от этого вытекать начинает. И ворон тут же на землю пикирует и уже с земли лакомится. Так всю и склевал. И хлеб тоже. Нам только холодный чай остался. Подумать только! Я таких прожорливых птиц ещё никогда не видал!

Потом деда подошёл. Ахнул от того, что делается, и закричал: «Кыш! Кыш отсюда!» А что толку? Кричи не кричи, сгущёнка-то уже тю-тю! И я, конечно, расстроился и у дедушки спросил: «Что же это? Как же мы теперь без сгущёнки и хлеба жить-то будем?» А он знай хохочет: «Ничего, Мишка! Проживём! Уху сварим. Зато теперь-то мы всех досыта накормили». Потом он сел на скамейку, но так сильно хохотал, что чуть с неё не свалился. Тоже мне, нашёл над чем смеяться! У людей горе, а он?!

Потом мы прибрались на столе. Затем деда вычистил прожорливых горбачей. А я почистил две луковицы. И мы сварили луковую похлёбку с окунями. А перекусив, мы начали собираться домой. Когда наши вещички были уложены, деда вздохнул и сказал: «Ну что ж, присядем на дорожку!» А я сказал: «Ага!» И мы снова уселись на скамейке, а посидев минутку, оставили родные края и отправились подальше.

По дороге домой мы вспоминали наше приключение, и какой у нас был клёв, и похлёбку, и как мы остались без средств к существованию. А выходя из тайги, деда сказал: «В следующий раз прихватим с собой саженцы». Я спросил: «А зачем?» А он ответил: «Посадим саженцы – вырастет лес». И я прямо подпрыгнул от радости и завопил во всё горло: «Здорово! Вот это дело!» А потом я вспомнил: про ворона, и про сохатого, и про то, как за озером жужжали пилы. И я ещё немножко подумал, а потом взял деда за руку и сказал: «Саженцы и кормушки – это хорошо! Но всё-таки лучшее, что может сделать человек для тайги, – это оставить её в покое и ничего в ней не трогать».

Я бабушке на огороде помогал: клубнику ел, кузнечиков ловил. Гляжу, деда во двор вышел, надувной матрас на траве расстелил, насос в него – вжух! И давай ногой качать – шить, шить, шить... Тогда я все свои дела бросил и к нему подбежал, сел рядышком и стал смотреть, что дальше будет.

Матрас валялся весь сморщенный и был похож на змеиную кожу. Он, видно, за зиму здорово себе бока отлежал и всё не мог расправиться. Лежал весь скукоженный, а деда не останавливался и качал: шить, шить, шить...

Я уже заскучать успел и зевать начал, а тут вдруг матрас ожил, пошевелился и сделал вдох. Я от радости даже подпрыгнул. «Ого-го!» – закричал я. А матрас уже дышал во всю ивановскую и делал: вдох – выдох, вдох – выдох. Потом просто вдох, а деда всё продолжал: шить, шить, шить...

И наш матрас становился всё толще и толще, а под конец и вовсе раздулся как не знаю что – как объевшийся удав. И я, когда такую замечательную вещь увидел, сразу же батут вспомнил и решил на матрасе попрыгать.

Деда только насос убрал и в дом ушёл. Я тут же разбежался как следует – и прыг на матрас, а он меня – брык обратно, и я – шмяк своими костями об землю. Получилось довольно-таки больно! Я встал, коленку и локоть потёр и думаю: «Надо же, серьёзная вещь, а лягается, как антилопа». После этого я к нему осторожнее подходить начал. Подошёл, погладил. Потом потихонечку на край присел, покачался, попружинил маленько. А когда мы друг к дружке попривыкли, я улёгся на него со всеми ногами. Сначала я просто лежал руки по швам, но скоро мне стало не очень удобно и липко как-то. Матрас вдруг вспотел почему-то. Тогда я начал чуть-чуть егозить и раскачиваться немножко, и болтыхаться, как морская волна, а потом как настоящий шторм. Было очень похоже и весело! Только я быстро устал расплёскиваться, и поэтому мне надоело в шторм играть. Я ещё полежал немножко, и тут мне пришла идея: сходить в дом и взять там первую попавшуюся книжку.

Книжка оказалась подходящая, интересная. Там словечки такие – закачаешься прос-

то! Я читал её и смеялся от того, какая она бестолковая. А деда, когда меня увидел и в книгу заглянул, сказал: «Рановато тебе, Мишка, «Историю мировой философии» читать, погоди, я тебе что-нибудь другое подыщу». А я сказал: «Ага-сь!» И он забрал у меня книгу и в дом ушёл, а я в это время ещё на матрасе поштормил.

Чуть погодя деда с другой книжицей вышел. Тоже старой, но уже не такой толстой и с картинками вдобавок, я как раз такие люблю. Эта книга про морскую экспедицию оказалась, «Спасение челюскинцев» называется. Там про ледокол «Челюскин» написано, который во льдах застрял. А в нём, между прочим, сто человек жило и два маленьких ребёнка. Потом льдину с «Челюскиным» на Север унесло. И никто его найти не мог. А всё потому, что Север бескрайний и необследованный был. И вот, пока ледокол искали, он взял да и затонул, а люди спасались на льдине. Они ели тушёнку и спали в шерстяных мешках. А лётчики их искали, но сбивались с пути. И у всех там настоящее приключение вышло.

Ещё в той книжке про чукчей, мороз и метели было. А у меня на матрасе, наоборот, жара. И я сначала на животе лежал, а потом на спину перевернулся. И я то и дело книжкой от солнца прикрывался, чтобы оно в глаза не светило. Так я лежал, читал, с боку на бок переваливался и не заметил, как ко мне матрос подошёл...

Матрос подошёл, руку под козырёк: «Здравия желаю, товарищ капитан!» А я глаза сощурил: «Здравствуйте, товарищ моряк!» Потом на край матраса присел и говорю: «А как вы узнали, что я капитан?» Моряк удивился и сказал: «Ну что за шуточки, каждый матрос должен знать своего капитана! Вон и форма на вас». Я посмотрел на себя – и правда, на мне была капитанская форма с золотыми нашивками на рукавах. А он рукой в сторону моря указывает и уже другим тоном: «Товарищ капитан, ну сколько можно тянуть?! Пора отправляться на выручку «Челюскину»! Там люди гибнут!» И я, когда про «Челюскин» услышал, тут же соскочил и прокричал: «Отправляемся немедленно!» Вбежал в дом, достал с полки пыльный чемоданчик, свалил в него всякие полезные вещи: фонарик, свитер, банку сгущёнки. Оставил на столе записку: «Не волнуйтесь, ушёл на выручку «Челюскину». Капитан-генерал-герой атомного ледокола, ваш внук Миша». Потом выбежал во двор, и мы с моряком отправились в порт.

В порту нас ждал ледокол «Арктика». Огромный атомный пароход, и я на нём самый главный. Я поднялся на мостик, встал у пульта управления, крикнул: «Полный вперёд!» – и потянул рычаг на себя.

Что тут началось! Ледокол затрясся! Все забегали, закричали! Взвыла сирена, зазвенел судовой колокол! Ко мне подбежал штурман и отобрал управление: «Что вы, товарищ капитан, белены объелись, что ли?!» А я ему: «Глупости какие, ничего и не объелся». Штурман задвинул рычаг обратно, крикнул: «Отставить полный вперёд!» – и ледокол перестало трясти. Сирена и колокол замолчали, а матросы прекратили панику. Потом он дал команду: «Выбрать якорь». И когда цепь с грохотом поднялась на «Арктику», штурман отдал приказ: «Самый малый вперёд!» А я сказал: «Ну, теперь вы сами, а я пойду карты изучать. Маршруты прокладывать», – и нырнул в штурманскую рубку.

В рубке на большой тумбе была разложена карта, и я тут же заметил, что с ней что-то не в порядке. «Слишком много белых пятен», – подумал я. И стал искать цветные карандаши. Море – оно же синее, а там не пойми что нарисовали. И когда я нашёл карандаши, то первым делом нарисовал наш ледокол «Арктика» – большой и красный. А потом я раскрасил все моря. Ещё я подрисовал стрелки. Они показывали, как будто мы плывём к Чукотскому морю: чух, чух, чух... А в море у меня плавали моржи и тюлени. И на берегу я нарисовал радостных эскимосов и собачью упряжку.

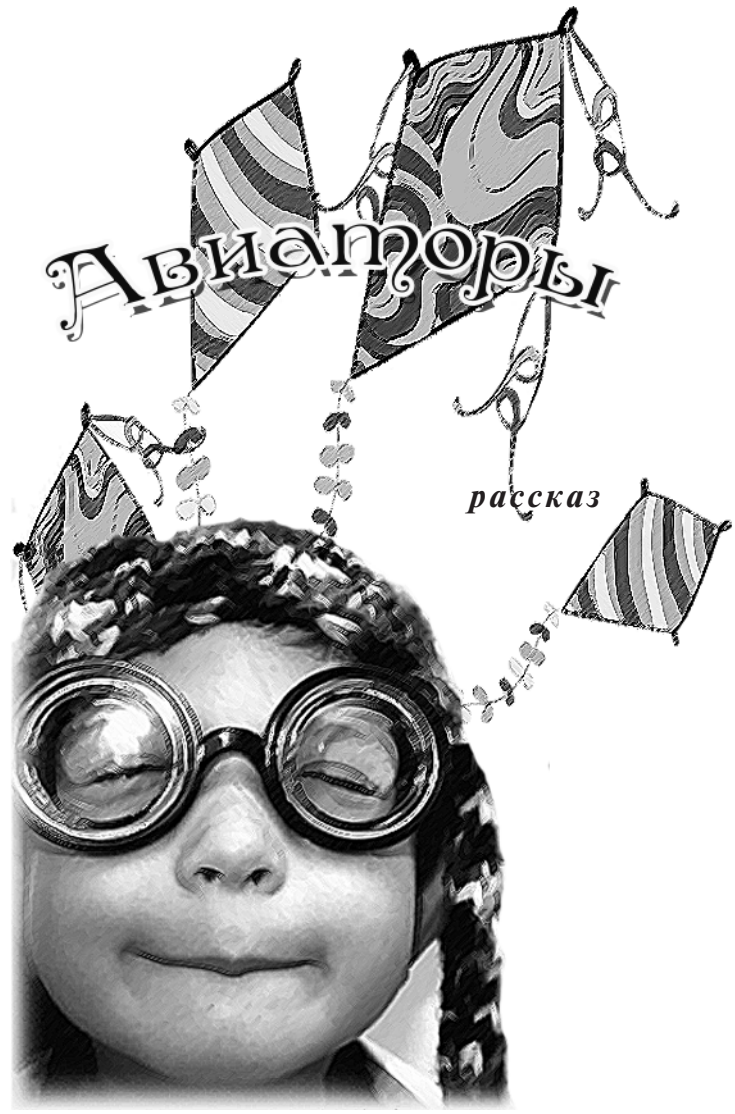
Я высовывал язык набок и кряхтел немного, потому что очень старался нарисовать по-настоящему. И вот наш ледокол вошёл в Печорское море, и тут же на нас свалилась лунная ночь. Пришлось включать специальные фонари, чтобы не споткнуться о какого-нибудь кита. А утром нас окутал густой туман. Такой густой, что прозвучала команда: «Ешь его на завтрак, ребята! А то не пробиться». И тут вся

команда достала ложки, чтобы как следует подкрепиться, но тут наш ледокол застрял в проливе Карские ворота. Видимо, вода на убыль пошла, и мы сели на мель. Пришлось матросам грести ложками. А когда мы очутились в Карском море, нас окружили пираты. И они набросили на ледокол свои крюки, собираясь взять наше судно на абордаж. Но тут на палубу вышел боцман и прокричал: «Не желаете ли охладить свой пыл, пройдохи?!» – и включил брандспойт. Пиратам ничего не оставалось, как улепётывать без оглядки. А мы отправились дальше и ещё долго слышали, как они стучали зубами от холода. Потом было море Лаптевых и толстенные льды, а наш ледокол проходил сквозь них как сквозь масло.

Но вы не думайте, что моё приключение так быстро пролетело! Это я здесь так рассказываю, а там я долго рисовал, почти весь день. И когда в рубку вошёл штурман, то он от радости за голову схватился и плясать начал. А потом он хотел меня похвалить, но, видимо, у него язык от холода онемел и поэтому сплошная нелепица вышла. Он ни с того ни с сего закричал: «Ты же!.. Как же!.. Я же!.. Вы же!..» А я сказал: «Пустяки! Я ещё и не так могу!» И тут у него вырвалось: «Во-о-он!!! Вон на камбуз картошку чистить!» И я только до палубы добежать успел...

Тут меня дедушка зачем-то остановил и тормошить начал: «Внучок. Внучо-ок!» А я глаза протираю, ничего не понимаю. А он меня опять: «Внучок!» А потом спрашивает: «Ты куда собрался, дружок?» А я оглянулся и никак не пойму: «Где команда? Где море? Где «Челюскин»? Бестолковица какая-то!» И только когда я деда разглядел и что сижу на матрасе, то понял, что уснул, пока книжку читал.

Я ещё немного глаза потёр, а потом сказал: «Решил стать капитаном атомного ледокола! Буду изучать Арктику, навигацию и белых медведей». А деда посмеялся: «Ишь ты, шустрый какой, школу закончи сперва, капитан! А пока марш на камбуз, бабушка ужин сготовила!»



Помню, я всегда мечтал быть летчиком. Особенно в детстве, когда в детский сад ходил. И потом тоже, когда детство закончилось и я в первый класс пошёл. В общем, мне всегда летать хотелось. Хоть на истребителе, хоть на вертолёте, хоть на воздушном шаре, хоть как получится. У меня даже очки специальные были, лётные. И вот я, как лётчик, очки надевал, руки в разные стороны разводил и летал. То есть я по квартире бегать начинал как оголтелый, но это всё равно как будто бы летал. А иногда и взаправду было, только во сне. У меня там обычно крылья были, как у птицы. И я парил, парил...

А недавно вот какая история приключилась. Валяемся мы с Вовкой как-то на траве, в небо смотрим, а там самолёт летит. Вовка смотрит на белый след и говорит: «Вот бы и мне сейчас в небо». Я говорю: «И мне!» Вовка говорит: «И на

этом самолёте прокатиться». Я говорю: «И мне тоже!» Вовка: «И порулить ещё». А я: «Ага! И мне! Я тоже хочу!» И мы так с Вовкой долго мечтали, пока самолёт не улетел. А потом Вовка как вскочит и как завопит: «Вж-ж-ж! Я истребитель», – руки в разные стороны расставил и давай вокруг меня бегать. Тогда я тоже не удержался и как подскочу! Потом руки расщеперил и тоже давай за Вовкой летать с криками «уэ-э-э!», выделывая всякие кренделя. И мы там настоящий воздушный бой устроили: я пикировал, а Вовка уклонялся. Потом – наоборот: я скрывался в облаках, а он – охотник. И мы так долго бегали, пока вконец не выдохлись. А налетавшись, на траву уселись, отдышались немного, и тут Вовка говорит: «Чего мы тут, как малышня, друг за другом гоняем! Пора нам, Мишка, свой летательный аппарат соорудить. Настоящий, понимаешь? И в небо! А не тут». Я говорю: «Понимаю. Только как это? Мы же летать не умеем». И тут Вовка такое выдаёт! Это надо же! И чем у него только голова забита! Он затылок почесал и говорит: «Так мы же учебный аппарат смастерим! А уж как летать научимся, тогда и рекордный!» А я как закричу: «Ух ты, точно!» А он не унимался: «И акробатический ещё! И истребитель тоже! Любой! Любой сконструируем, какой хочешь, нам бы только взлететь!»

И для начала мы решили дельтаплан построить. Настоящий: треугольное крыло и подвесное устройство для пилота. На таком-то аппарате легче всего учиться. Разбежался, прыгнул с горы и лети, лети...

А для того чтобы узнать, как и что там устроено, мы журнал раздобыли, «Техника молодёжи» называется. Там всё-всё подробно написано: какие болты, какие трубки, из чего должен быть парус, тросики ещё. Только у нас трубок не было. И тросиков. И болтов тоже. И мы решили, что построим дельтаплан из чего попало. Из деревянных реек, например. Этого-то добра у нас на лесопилке сколько хочешь было. Их и крепить легче, гвоздями: чух-чух! – и дело в шляпе.

Строить наш учебный аппарат мы решили на крыше сарая, оттуда и испытание проводить. Во-первых, там никто не бродит и не задаёт дурацких вопросов: «А что это у вас? А зачем? А родители знают?» – и всё в таком духе. Во-вторых, там крыша ровная – то, что надо для разбега. И высота ещё! В общем, разбежался, прыгнул и пари как птица.

И вот мы целую кучу реек во двор натаскали, потом на крышу их перетащили. Пилу, молоток, гвозди приготовили. Журнал открыли, и дело пошло. Вовка все детали измерительной лентой по пять раз отмерял, чтобы не ошибиться, а я пилил. Потом он одну рейку к другой приставлял, а я колотил. И мы с нашим аппаратом быстро управились, за два дня его построили. Оставалось только парус пришлёпить, и можно было учиться летать.

Сначала я подумал, может, нам вместо паруса простыню приладить или скатерть. Только кто же такую ценность добровольно отдаст? И тут Вовка вспомнил, что у него в сарае парниковая плёнка завалялась. Он ещё весной с родителями теплицу укрывал, и у них этой плёнки прилично осталось, нам как раз должно было хватить.

Вовка сбегал в сарай, нашёл там плёнку и приволок на крышу. Мы её расправили, примерили, и всё у нас сошлось. Вот только мы не знали, как нам её на крылья нашего учебно-летательного аппарата пристроить, чтобы в полёте она не оторвалась. Мы, конечно, с Вовкой не слоны, но килограммов по тридцать имеется – думать надо! И мы быстро придумали. Чтобы наш парус из плёнки держался прочно, мы его другими рейками сверху приколошматили, как на теплицу. А лишние хвостики и заплатки мы ножницами отстригли. Получилось очень красиво и ровно, как с иголочки!

Когда аппарат был готов, мы решили с полётами не спешить. Сначала сбегали домой на обед и подзаправились как следует. Я к тому же свои лётные очки прихватил, а Вовка где-то мотоциклетный шлем откопал. В общем, с экипировкой у нас был полный порядочек. Оставалось жребий бросить, кто совершит первый в мире кругосветный полёт на учебном летательном аппарате. Вот только пока мы на крышу карабкались и жребий кидали, ветер поднялся. Сильный очень. Штормовой. И наш дельтаплан сначала дрожать начал, потом прыгать. Видимо, ему невтерпёж было крылья свои опробовать. Тут ветер сильнее чухнул. И наш аппарат как рванул с места!

Разбежался по крыше, потом на краю подскочил и взмыл в воздух! У нас с Вовкой аж дух захватило. Но ненадолго. Наш учебный аппарат сначала взмыл в небо, а потом резко развернулся носом вниз и об землю со всего маху – хрясь! И нет больше нашего дельтаплана! Одни обломки остались. Представляете? Не было больше никакого кругосветного полёта. И истребителя тоже не было. И никакого рекордного. И никакого акробатического. И мечты больше не было! Всё пропало!

Мы слезли с крыши и молча пошли собирать наши учебно-летательные обломки. А в это время к нам мой старший брат Ванька подошёл и спросил: «Что это было?» И мы ему рассказали про рекорды, про кренделя высшего пилотажа, про учебно-кругосветный полёт и про мечту. А он ответил: «Эх вы! Горе-авиаторы!» Потом он взял наши обломки в руки и начал разглядывать. Покрутил, повертел так и сяк. И сказал: «Я сейчас!» – и зачем-то домой побежал. А через минуту снова выбежал, и в руках у него инструменты были. И он наши обломки: «Чух-чух!» – на детали разобрал. Дальше померил чего-то и пилой – жух-жух! – лишнее отпилил. Опосля шнурок взял и две рейки им крест-накрест перевязал. Потом покряхтел чего-то. Плёнку ножницами – «чик-чик!» Через минуту – раз! И готово! Мы от радости с Вовкой чуть языки не проглотили. Это ж надо! Ого-го! Наш-то нелетательный аппарат вдруг в такую летательную штуковину превратился. Загляденье просто!

Ванька из наших обломков воздушного змея смастерил и нам подарил. И мы теперь с Вовкой на седьмом небе от счастья были! А Ванька к нашему змею ещё шнурок с катушкой привязал и показал, как его запускать нужно. И мы с Вовкой весь вечер его запускали. Я в лётных очках, а Вовка – в шлеме: бегали против ветра и вопили. А наш воздушный змей то вверх, то вниз, то просто так парил. Оказывается, для змея сильный ветер – это то, что нужно! И он там – то рекорды, то кренделя, то ещё что!.. А мы с Вовкой всё бегали и кричали: «Спасибо, Вань! Ты нас спас!» А он ответил: «Пустяки! Это проще простого. А вот вам бы не мешало в кружок авиамоделирования записаться».

□

Денис Владимирович МАКУРИН

родился в 1981 году в посёлке Каменка

Мезенского района Архангельской области.

Литературным творчеством увлёкся недавно.

Пишет рассказы, в основном о детях и для детей.

Автор книги «Морские волки».

Публиковался в журналах «Двина», «Север», «Иван-да-Марья».

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

Живёт в селе Холмогоры Архангельской области.